

ЕЛИЗАВЕТА СОБОЛЯНСКАЯ

СТРАЖ

Елизавета Соболянская

Страж

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69292786

Е. Соболянская. Страж:

Аннотация

Страж и его Роза встречаются сквозь время и пространство. Он должен хранить ее, она – дарить ему любовь. Но так ли просто сделать это в мире живущих? На что придется пойти мальчику с деревянным мечом, чтобы спасти девочку в пятнах от ежевики? История любви, встреч и расставаний.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	20
Глава 3	37
Глава 4	48
Глава 5	56
Глава 6	65
Глава 7	76
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Елизавета Соболянская

Страж

Елизавета Соболянская

* * *

Пролог

Предсказание

Замковый двор был полон людей. Слуги бегали с подносами, кувшинами и корзинами. Стражники переминались в новеньких коттах, сплевывали и болтали. Юные оруженосцы затеяли схватку на учебных мечях, втайне надеясь, что их заметит прекрасная леди Элинор, или хотя бы один из рыцарей решит, что ему нужен помощник на турнирном поле. Да-да, граф Диренчи дает турнир, на котором объявит о помолвке своей младшей дочери с победителем турнира!

Событие весьма громкое для провинциальных земель. Так что в замок спешат рыцари и оруженосцы, прекрасные дамы и менестрели, а также пройдохи и мошенники всех мастей. Дилан еще юн, но граф уже намекнул ему, что из него выйдет неплохой мечник, надо только найти себе наставника, а лучше рыцаря. Конечно, графу служить почетнее, но у старика два десятка оруженосцев, и далеко не всех он помнит по именам.

Пока мальчишка яростно стучал деревянным мечом по мечу соперника, во дворе появилась старушонка в яркой юбке. Простая полотняная блуза, корсаж и платок не привлекали внимания, а вот звенящие на ее руках браслеты с колокольчиками заставили напрячься даже бывалых воинов.

– Ведунья, ведунья, – шелестом пронеслось над толпой.

Между тем мальчишки так разгорячились, что уже ничего не видели вокруг и на шепот не обратили никакого внимания. Рейг крутанулся, выбивая у Дилана меч, а потом боль-

но стукнул соперника по пальцам и засмеялся, уперев руки в бока:

– Что, недоносок, продул?

Кровь бросилась мальчишке в лицо. Он был мелковат для своего возраста. Матушка, утешая, нередко говорила ему, что он слишком торопливый, вот и родился на пару месяцев раньше срока. Мальчишки же в замке быстро вытянули из наивного новичка подробности его жизни и порой дразнили.

– Не кипятись, Страж, – сухая старческая ладонь легла Дилану на плечо.

Он развернулся, с недоумением уставился на старуху.

– Простите, почтенная, как вы меня назвали?

– Страж, – ведунья неожиданно белозубо улыбнулась и сверкнула яркими, совсем не стариковскими глазами. – Вот видишь ту девочку? Что ты о ней знаешь?

Мальчишка бросил взгляд на девочку лет четырех, топающую вокруг корзин с бельем.

– Роза? Дочь прачки Марты? Говорят, Марта была горничной и провела ночь со знатным гостем. Когда забеременела, хозяйка выслала ее в прачечную, там она теперь и служит.

– Верно, – довольно покивала головой старуха, – вот эту самую Розу ты и будешь охранять, Страж, потому что только она сделает тебя счастливой!

С этими словами ведунья как-то незаметно исчезла из двора, и все тотчас отвернулись от Дилана, делая вид, что

никого постороннего в замке и не было.

Глава 1

Перемены

С того дня жизнь мальчишки изменилась. Он сам не по-

нимал, как это происходит, но волею Небес он ежедневно натыкался на Розу, и каждый раз малявка собиралась сотворить нечто смертоубийственное. Чан с кипятком. Стопка копий. Старая яблоня в графском саду... Он ловил за юбку, вытаскивал за руки, а то и за ноги, прикрывал собой – и как-то раз получил серьезный шрам, вырывая девчонку из пасти яростного полудикого пса.

Первым эту странность заметил наставник. Старый мастер меча никогда не дожил бы до своих лет, если бы не умел видеть, все, что творится вокруг. Порой молодые оруженосцы шутили, что у старого Брана глаза на затылке, особенно если мастер ловил их в ночи у ворот с веселой девицей или кувшином вина. Однако к Дилану мастер меча присматривался молча. Пару дней уматывал парня в круге, а потом спросил, когда ученик прибежал на тренировку:

– Розу видел сегодня?

– Розу? – мальчишка хлопнул глазами, недоумевая.

– Дочку прачки, мелкую такую.

– Нет, – ответил парнишка.

– Иди, найди, посмотри, что делает, и возвращайся.

Другие будущие оруженосцы зафыркали, собираясь отпустить парочку соленых шуточек, но мастер прикрикнул на них и еще раз мотнул головой Дилану – беги, мол. Парнишка, скрывая недоумение выбежал из оружейного двора и остановился, пытаясь решить – где искать мелкую? Прачки стирают на заднем дворе, там, где грязную воду легче спу-

стить в ров. Но Роза не любит запах щелока, мыла и сырость. Девчонка ведет себя точно дочка владельца замка – любит сидеть на солнышке, любуясь цветами, петь и танцевать. Куда она отправилась сегодня?

Дилан задумался, и его внезапно потянуло влево. Хм, скотный двор? Дети слуг любили возиться с цыплятами и поросятами, а уж Роза, обожающая всякую живность, наверняка не пропустит утреннюю дойку и сбор яиц!

Заглянув по очереди в курятник, свинарник и в стойла, парень заглянул в конюшню и замер, боясь дышать. Малявка стояла на широкой перегородке денника и кривила чумазое личико – ее юбку держал зубами Удар – конь самого графа! Боевой конь! Приученный топтать врагов копытами и рвать зубами! Через миг сердце Дилана дрогнуло и застучало быстрее – он понял, что конь не сдергивает наглуую мелочь в стойло, чтобы затоптать, а держит, не давая упасть с приличной высоты. Как она туда вообще забралась? На два своих роста?

– Роза! – тихонько окликнул ее парень. – Я помогу!

Девчонка скуксилась сильнее, но потерла кулаком нос и удержала слезы. Мальчишка медленно подошел ближе, чтобы не испугать коня, и протянул руки:

– Держись!

Теплые ручонки сначала ухватили его за рукава, а потом, когда конь отпустил подол – за шею. Поглаживая трясущуюся от слез мелочь, Дилан склонил голову:

– Спасибо, Удар! Прими в благодарность! – и вынул из поясной сумки кусок хлеба с солью – свой собственный завтрак.

Конь, кося темным глазом, шумно выдохнул и моментально слизал угощение. С девчонкой, повисшей на шее, Дилан вышел из конюшни, и только тогда его начала сотрясать мелкая дрожь. Боевой конь – не зайчик на лужайке. Его денник специально укрепляли железом, потому что была у чуткого и нервного зверя привычка бить копытом в стену, разбивая в щепу тонкие доски. Еду принимал только из рук хозяина или старшего конюха. Кусал любого постороннего, протянувшего руку погладить храп. Мог и малышку затоптать насмерть, и самого Дилана покалечить, но... не стал.

На дрожащих ногах парень вышел на солнечный свет. Судорожно всхлипнул, но орать на висящую на нем девчонку не стал. Придумал наказание получше – отнес ее, чумазую, в драной юбке, в прачечную к матери. Вот уж там она выхватила мокрым полотенцем по вертлявой попе! Но молчала, насупясь, только язык ему ехидно показала, когда Дилан убежал прочь.

Мастер, наблюдающий за мальчишками, лихо стучащими деревянными мечами, заметил появление парня и жестом подозвал ближе. Оценил и взъерошенный вид, и пустую сумку, и даже следы пыли и слез на лице и шее.

– Нашел?

– Нашел! – Дилану не хотелось объяснять, где нашел и

как. Да и зачем? Что за дело старому мечнику до дочки служанки?

– Завтра, прежде чем сюда прийти, найди Розу, – степенно сказал мастер, – понял?

– Понял!

– А теперь бери меч и вставай в строй! Сегодня ты с Литтом фехтуешь!

Парнишка подхватил ту деревяшку, что осталась валяться на дне «учебного» сундука, и встал напротив такого же крепкого мальчишки. Учеба началась.

Заноза

Весь следующий год Дилан появлялся на тренировке, только отыскав прежде Розу. Глазастые прачки уже посмеиваться начали, дразнили женихом и невестой, но юный ученик мечника внимания на подколки не обращал. Он просто находил малявку и, сцепив зубы, решал очередную смертоубийственную проблему. Разбитая миска с медом, рваная рана от ржавого гвоздя, кровь из носа, ядовитая змея в трех шагах от босых ног... За год он научился вытряхивать из девчонки все ее тайны и замечать спрятанные в складках юбки ободранные руки, спрятанного в кармашек передника ужа или дыру в подметке деревянного башмака.

Иногда он не выдерживал – орал на нее, кляня за глупость и шустрость, а она сжималась от его воплей, утыкалась лицом в передник и тихо плакала, стараясь не всхлипывать, чтобы не разозлить его еще больше. На четвертый раз Дилан заткнулся, едва открыл рот. Просто понял, что не сможет потом смотреть в эти доверчивые голубые глаза. Тяжело вздохнув, парень подхватил малявку на руки, а она доверчиво обвила руками его шею и чмокнула в щеку липкими от ягод губами:

– Ди-и-и! – протянула она, как всегда, в минуты волнения теряя половину звуков. – Я нашла дом!

– Тебя все прачки ищут! Мать думала, ты в реку свалилась!

Роза виновато сопела ему в ухо. Парень еще раз тяжело вздохнул, подкинул девчонку на руках, устраивая удобнее, и понес к замку. На этот раз на поиски Розы его отправил сам мажордом. В замке был ежемесячный «чистый» день. Стражники и слуги мели казармы, вытряхивали матрасы, чистили форму и сами посещали купальню.

Прачки же собрали все белье, выварили его в большом чане и гурьбой двинулись на реку – полоскать. С ними потянулись молодые служанки, следом – дети, и Роза потерялась в шумной гомонящей толпе. Точнее – малышка заметила в стороне заросли ежевики и отправилась лакомиться ягодами. Закончив работу, женщины поставили корзины с чистым бельем на телегу и медленно вернулись в замок, уже там обнаружив пропажу Розы. Марта схватилась за голову и кинулась проверять корзины – может, уснула под кипами белья? Другие женщины пытались ее успокоить, но сами тревожно обшаривали углы прачечной и просторного заднего двора. На шум и суету пришла экономка, а следом за ней – мажордом. Сэр Кломбур был почтенным рыцарем, получившим это назначение в замке графа после ранения в бою, поэтому быстро добился нужных ответов от стайки кудахтающих баб. А когда узнал, кого потеряли, изрек:

– Дилана найдите. Пусть он к реке ходит и девочку поищет.

Даже рыдающая Марта прекратила заламывать руки и огляделась, словно не понимая – как она могла забыть мальчишку, который почти ежедневно приводит ей дочь? Шустрый мальчишка нашел Дилана в казарме и передал приказ явиться к сэру Кломбуру. Отложив пряжку, натертую мелом, ученик мечника спросил разрешения у старшего, пригладил мокрые после купания волосы и почти бегом кинулся за посыльным. А потом спустился к реке, покрутился на вытопанной траве, там, где стояли телеги с бельем, потом присел, вспомнив рост девочки, и огляделся.

Здесь скучно. Женщины стирали и болтали, подоткнув полотняные летние юбки. Возчики курили трубки и любовались женщинами. Дети все были старше или младше Розы. Девочки лет восьми носили мокрое белье в корзины, мальчишки ставили корзины на телеги, младенцы лежали на передниках, брошенных в траву, а куда податься мелкой девочке, которую не подпускают к воде? Дилан покрутился и увидел красновато блеснувшие стебли ежевики. Во рту сразу появился вкус ягод. Парень медленно, не вставая с колен, приблизился к зарослям и замер.

Матовая зелень разлапистых листьев скрывала небольшую сырую впадину. Возможно, когда-то река разлилась особенно сильно и оставила после себя влажную промоину. Со временем этот кусок берега затянули кусты, и никто не обратил внимание на то, что высохшие ветки образовали лаз, в который легко проберется ребенок. Это ведь так со-

блзнительно – после жизни в тесноте замка отыскать свой собственный уголок, скрытый от глаз. А уж если прямо с потолка и стен свисают сочные ягоды...

Дилан продвинулся как мог, стараясь не порвать одежду о мелкие, но цепкие шипы. И сразу заметил краешек белого передника! Роза спала, свернувшись калачиком. Ее щеки, губы, руки, передник и даже чепчик были густо заляпаны ягодным соком. Кажется, малышка собирала ягоды в свой головной убор? Выдохнув и осторожно подавшись назад – только сегодня надел чистую куртку! – Дилан позвал девочку:

– Роза! Роза!

Она пошевелилась, нехотя открыла голубые глаза, а потом они просияли чистым, незамутненным счастьем – она узнала его! Встала на четвереньки, быстро выползла из своей норы, и... Дилан сжал челюсти, едва попытался высказать все, что накипело.

В замке их появлению, кажется, даже не удивились. Только Марта ревниво выхватила дочь и, оценив количество фиолетовых пятен, просто посадила ее в корыто для стирки. Право слово, это фиолетовое чудище легче было мыть и стирать одновременно!

Глава 2

Учеба

После поисков Розы у реки мажордом приказал Дилану приходить к нему в кабинет, где он учил нескольких смышлѐных мальчишек из детей воинов не только чтению, письму и счету, как в храмовой школе. Опытный рыцарь учил их делать расчет зерна на посев, объяснял политику цен на базаре, пользу ремесленников и основы законодательства. Иногда из храма приходил ученый монах и тоже наставлял детей.

То, что Дилану позволили учиться большему, чем просто мечный бой, повысило его статус, и в то же время замковые мальчишки начали его нещадно дразнить. Еще бы, у мажордома обучались и дети графа, не отправленные пока на воспитание к другим знатым лордам. Иногда мажордом приказывал подать в комнату подогретого вина и сладких пирожков и усаживал будущих рыцарей в круг, изображая военный совет. Кто-то сразу хватался за вино – редкое лакомство для мальчишек. Кто-то предпочитал быстро набить рот пирожками. А кто-то, как Дилан и младший сын графа лорд Брок, спорили, склонясь над схематичной картой, начерченной угольком на полу.

Правда, Дилан всегда успевал припрятать два пирожка в свою поясную сумку – для себя и для Розы. Ему по-прежнему приходилось отыскивать девочку перед тренировками

или учением, но теперь это не вызывало у него внутреннего протеста. И если ему перепадало что-то вкусное, он всегда оставлял гостинец для Розы. Просто потому, что она тоже всегда делилась с ним любой сладостью и рассказывала все интересное, что с ней происходило.

Однажды Дилан сидел на редкой травке у крепостной стены и, греясь на солнышке, пытался читать свои собственные записи на восковой дощечке. Пергамент для письма был слишком дорог, поэтому на занятиях короткие записи делали в тазу с песком, а вот задачки писали на восковых табличках. Парень так увлекся подсчетами, что не заметил, как Роза подобралась к нему под бочок и заглянула в табличку:

– Что это? – маленький пальчик неловко ткнул в кривую строчку.

– Это буквы, – отмахнулся мальчишка.

– Буквы? Я видела буквы! – довольная малявка пристально уставилась на дощечку. – Они не такие!

– Тут еще цифры, – отмахнулся Дилан, судорожно складывая мешки зерна, чтобы разделить их на количество телег.

– А что такое цифры? – Роза не отступала и умела быть упрямой.

Вздыхнув, парень отложил дощечку:

– Цифры – это значки, которыми обозначают количество чего-нибудь.

Девочка хлопала глазами, явно не понимая, о чем речь.

– Ну вот смотри, – оглядевшись, Дилан подобрал палоч-

ку и нашел маленький кусочек вытоптанной земли: – У тебя один любопытный нос... Вот цифра «один»! У тебя две ко-сы, вот цифра «два»...

К вечеру малявка бегала повсюду и считала все, на что па-дал ее взор, правда, только до трех. Дилан усмехался – увлек-шись, Роза дала ему время решить задачу и не убежала дале-ко, постоянно возвращаясь для проверки:

– Это я правильно посчитала? А это?

Неприятность с будущим мечником случилась позже – ко-гда он отвел девочку к матери и шел в казарму, его перехва-тил местный священник. Довольно молодой монах со стро-гим, истощенным постом и молитвами лицом поймал Дила-на за плечо и крепко стиснул костлявые пальцы:

– Отрок неразумный, что ты творишь?

Мальчишка удивленно вскинул глаза – идя мимо храма, он перекрестился, поклон святому алтарю тоже не забыл.

– Зачем ты передаешь бесценные знания женщине? Сосу-ду скудельному? Твари, годной лишь на убажение мужчины и рождение детей?

Дилан ошеломленно хлопал глазами. Слова про «сосуд скудельный» он и раньше слышал в проповедях, но таким вот змеино-шипящим тоном – впервые.

– Простите, святой отец, – повинился мальчик, понимая, что иного от него сейчас не ждут, – мне нужно было сделать урок, а Роза мешала...

Костлявая, но неожиданно сильная рука разжалась.

– Иди, отрок, и помни: женщины – суть низшие существа! В списке имущества мужчины женщина стоит после скудомных волов!

Низко поклонившись, Дилан рванул в казарму, влетел, задыхаясь, упал на свою узкую койку и некоторое время лежал неподвижно, пытаясь усмирить дыхание. Его прислали в замок в возрасте пяти лет, и с той поры будущему оруженосцу не было так страшно!

Отъезд

С той поры Дилан начал осторожничать. Уходил с девочкой к прачкам – туда монах заходить брезговал, или в коровник – там молитвенник тоже не появлялся, считая, что внимания мужчины достойны только кони. На худой конец – ослы. Роза радовалась их встречам, по-прежнему лепетала свои детские секреты и охотно училась считать на пальцах и чертила буквы палочкой на земле. Парень и сам не знал, почему продолжил учить малявку. Может, из тайного протеста, а может, потому что успел понять – грамотность, пусть невеликая, даст девочке шанс на более спокойную и сытую жизнь. Только в этом Дилан ошибся.

Их дружба тянулась еще три года, ему уже стукнуло тринадцать – возраст выбора для мужчины, и граф, поразмыслив, отправил его вместе со своим младшим сыном к своему старому знакомцу – капитану королевской гвардии.

Все имущество юного оруженосца уместилось в заплечном мешке. Сыну графа предоставили повозку. Лорда Брока провожали все многочисленные родственники и слуги. А Дилана – мастер Бран да Роза. Девочка удивительно вытянулась за минувшие годы, и стало понятно, что ее отцом действительно был благородный. Об этом просто кричали тонкая белая кожа, изящные кисти и ступни, золотые волосы и

черты лица. Дилан неловко обнял малышку и попросил:

– Береги себя, научись чему-нибудь полезному. Я надеюсь, я вернусь, и ты еще будешь в замке.

Роза порывисто обняла его и пообещала.

Юный оруженосец уехал, забрав на прощание ее улыбку.

Возвращение

А когда вернулся через десять лет – рыцарем, с наделом земли и званием сержанта гвардии, то не узнал старый замок. В нем было тихо. Очень тихо. Мастер Бран сидел на камне у ворот и, покашливая, курил трубку. Увидев Дилана, старый мечник махнул рукой, подзывая бывшего ученика ближе:

– Ты вернулся. Я рад. Боялся, что не дождусь тебя...

– Мастер! – Дилан слетел с коня и обнял мужчину, заменившего ему отца. – А где Роза? Я привез ей подарок!

– Погоди, мальчик, сядь. Я сейчас не так быстр, как прежде. Розы здесь нет.

– Что? – лицо рыцаря потемнело.

Его служба не была синекурой. Погоняв молодняк на тренировочных площадках, капитан гвардии сформировал «тройки» – на одного опытного гвардейца парочка «щеглов», и забросил оруженосцев и юных лордов прямо в очередную пограничную заварушку. Лорд Брок тогда получил ранение в лицо, а Дилан едва не лишился ноги, но оба выжили, заматерели и благополучно продвигались по службе, пока Дилан не решил выйти в отставку, заслужив рыцарское звание и небольшое поместье.

– Выслушай, – мастер тяжело вздохнул. – Когда ты уехал вместе с младшим лордом, Роза тосковала, похудела даже, есть совсем не могла. И я напомнил ей, что ты сказал учиться. Она встрепенулась, покрутилась по замку, присматрива-

ясь к разным делам, а потом ушла в лес. Травница наша, Маричка, взяла ее в ученицы. Марта даже радовалась, что дочь не будет спину ломать и руки портить, стирая чужое белье.

Дилана немного отпустило. Травница – это хорошая профессия. Рыцарю не зазорно взять травницу в жены. Да-да, он повидал мир, оценил его, взвесил, измерил и вернулся в родные края, чтобы подобрать то, что ждало у порога. Но если Роза в лесу, ему действительно нечего делать в замке – разве что письма от лорда Брока передать...

– Маричка хорошо учила и требовала строго. Ты уехал, малышке едва семь лет стукнуло, а она быстро науку восприняла. Стала матери прибегать припарки делать, да так с Маричкой всюду ходила. Росла потихоньку. Да только... красивая она стала слишком...

Дилан помрачнел. Он слабо помнил настоящую Розу, в его памяти сохранился лишь взлелеянный его памятью образ, но взрослый мужчина мог представить, какой красавицей стала дочь прачки.

– Сначала еще ничего было, Маричка ее приучила балахон темный носить и лицо платком закрывать. А потом Розу графский сын заметил, Анхель который. Начал ей комплименты говорить, цветочки дарить. Ей тогда только-только четырнадцать стукнуло, мать про женихов молчала, знала, что травницы замуж не спешат. А тут Анхель с кошельком. Вроде сговорился, да только Маричка к самому графу пошла, не забоялась. Объявила, что Роза ее ученица, и обучение еще не закончено. А если у сынка его что-то в штанах чешется, то травницу в любом графстве примут. Старик тогда прибаливать уже начал и Маричку ценил. Потому сынка своего окоротил.

Дилан выдохнул. Что ж, Анхель еще тогда был сластолюбив, и хорошо, что его отец не пожелал менять здоровье на короткую утеху сына.

– Марта деньги вернула, и затихло все. Да только графу с каждым годом все хуже становилось. Он ведь много воевал, израненный был. Маричка с Розой в замке совсем поселились, чтобы днем и ночью старика поддерживать. Анхель же рядом ходил. Высматривал, вынюхивал, все руки к девочке тянул. А ей уже шестнадцать исполнилось, в самый сок дева

вошла.

Рыцарь улыбнулся, представляя себе на миг Розу. Интересно, она сильно подросла? Округлилась? Так ли бездонны ее глаза?

– А потом граф умер. Марички в замке не было, она на дальнее болото за какой-то травой ушла. И тогда... Анхель, говорят, сделал Розе предложение: стать его метрессой или умереть. Она, наивная душа, над ним посмеялась, а этот лорд пошел к монаху, который при замковой часовне жил, и заявил, что Роза – ведьма, которая погубила его отца. На Библии поклялся, щенок!

У Дилана вся кровь отхлынула от лица. Он видел в столице не раз, как обвиняли женщин в злом колдовстве и черной порче. Порой их называли ведьмами и убивали после долгих пыток. Но Роза? Его чистая, наивная Роза?

– Ну, а монаху тому лишь повод дай – живо организовал костер и Розу на него поставил. Анхель же до последнего предлагал ей «спасти душу» и стать его конкубиной...

– И что она ему ответила?

– Она сказала, что предпочитает умереть честной девушкой, ведь тогда ее душа попадет на Небо.

– А Дэррен? Наследник?

– Он тогда объезжал окраины, – вздохнул старый мастер, – когда он вернулся, от нашей девочки остались только обугленные кости...

Скупая слеза скатилась по морщинистой щеке. Дилан

сглотнул, потому что его горло вдруг сдавило, словно петлей палача.

– Так Анхель все еще жив?

– О, – мастер Бран странно усмехнулся, – Небеса наказали его. Маричка сразу покинула замок и графство. Ушла неизвестно куда. Розу молодой граф распорядился похоронить в углу кладбища. Все затихло, и лорд Анхель женился на невесте с богатым приданым. Только его жена оказалась настоящей ведьмой – за год выпила лорда так, что теперь он может только лежать, стонать и каяться в своих прегрешениях. Так мы и узнали, почему он оговорил Розу и почему осмелился поклясться на Библии. И помочь ему никто не может, травниц в замке нет.

Дилан, не стесняясь, утер слезы. Потом спросил:

– Роза – она мне что-нибудь просила передать?

– Просила, – мастер отвел глаза, – крикнула, что любит тебя, и вы всегда будете вместе. А потом ведунья приходила, вот, сказала мне, чтобы я тебя тут ждал...

С этими словами старый мечник протянул рыцарю дощечку, покрытую воском. Таковую, на которых он учил Розу писать. Там было нацарапано всего несколько слов, но глубоко, так, что царапины остались на дереве: «упустил ты, Страж, свою Розу».

Дилан стиснул табличку, вспомнил далекий день, когда старуха в пестрых тряпках указала ему на чумазую малышку, и... заплакал.

Память

Потом, много позже, мастер Бран отвел его на могилу Розы. Маленькое тенистое замковое кладбище совсем заросло вьюном, и найти неприметный холмик мог лишь тот, кто знал о нем. Дилан постоял на месте, посмотрел в голубое небо и вдруг услышал рваные стоны и тяжелые, со слезой, вздохи.

– Кто это? – спросил он у Брана, впервые обратив внимание на то, что этот тихий уголок отделен от крепостной стены одним из флигелей.

Старый мечник дернул углом рта:

– Анхель. Окна его спальни выходят на кладбище. Эту комнату ему предоставил старший брат сразу после свадьбы. Молодой граф не позволил состоятельной невестке командовать в его доме, и леди Рианделин довольно быстро вернулась в родительский дом.

Дилан дернул плечом и ушел с кладбища. Бог наказал сластолюбца, но это не уменьшило боль в сердце рыцаря. Здесь не было его Розы.

В тот же день сэра Дилан Рэшби уехал в свои земли. Старого мечника он забрал с собой. Вдвоем они восстанавливали потрепанный одиночеством хозяйский дом. Вдвоем распахивали поля и налаживали жизнь трех полупустых дере-

венек. И только с мастером Браном хозяин поместья Рэшби мог поговорить о Розе.

Даже о том, что малышка лет четырех является ему во снах. Предупреждает об опасностях, подсказывает, как лучше вести хозяйство и что продать на ближайшей ярмарке. Мастер сначала пугался, потом увидел в этом пользу и успокоился. Роза не желала своему возлюбленному зла. А однажды привела с собой в сон Дилана невзрачную девушку в слишком просторном платье и громоздком чепце. «Женись на ней, – попросила Роза, – пусть твои земли достанутся твоим детям».

Рыцарь, которому уже исполнилось тридцать лет, на следующий день объехал своих соседей, отыскал старую деву и взял ее в жены. Шокированные родственники даже на приданое не поспешили.

Через год жена родила Дилану сына, через два – дочь. Для сына Дилан выбрал имя Бран – в честь своего учителя, а дочь назвал Розой. Гости замка и родственники жены изумлялись тому, как отец балует малышку, носит на руках и спешит на каждый ее писк. Но рыцарь отшучивался. Говорил, что эта кроха при рождении забрала его сердце в свои маленькие ручки. Жена немного ревновала супруга к дочери, но, будучи благоразумной леди, быстро утешалась, глядя на растущего сына.

Еще через пару лет на землях поместья обнаружили богатые залежи меди, да еще и близко к поверхности. Разра-

ботка с помощью открытых шахт больших расходов не предполагала, а вот доход дала хороший, и еще через год внезапно разбогатевший рыцарь начал строить замок, в котором все было украшено розами – от герба на двери до флюгера на крыше.

Соседи диву давались – надо же так любить свое дитя! Но все же прозвали замок «Тысяча роз» и любили рассказывать приезжим об этакой диковинке.

Дилан прожил долгую и почтенную жизнь. Завещал похоронить себя в часовне замка и положить в изголовье дощечку, завернутую в драгоценную ткань. Деревяшка так долго лежала в сундуке, что воск совсем стерся, и не было возможности разобрать написанное.

Через секунду после смерти рыцаря где-то за много миль молодая мать положила руку на свой живот:

– Ой, он толкается! Ты слышишь? Он жив!

Повитуха недоверчиво положила руку на живот, прислушалась и смахнула с лица выступивший холодный пот. Она-то была уверена, что плод умер в утробе, уже почти уговорила молодую женщину избавиться от нерожденного младенца, чтобы сохранить собственную жизнь!

– Ох, это дитя или благословенно, или проклято! – вздохнула она, задвигая ногой под стол корзинку с инструментами. – Ну что же, госпожа, значит, вам нужно больше гулять, смотреть на красивые вещи и радоваться!

Глава 3

Новая жизнь

В положенный срок у жены купца Джанброцци родился сын. Крепкий черноволосый и черноглазый мальчишка. Он рос обычным ребенком, но каждый раз, когда видел девочку лет четырех, подходил и заглядывал в глаза – словно что-то искал. В жарком климате Срединного моря дети взрослеют быстро. Отец посмеивался:

– Потерпи, Джанлукко, найдем тебе невесту.

Парень отшучивался и продолжал заглядывать в черные, карие и очень редко серые или зеленые глаза.

Когда молодому Джанброцци исполнилось пятнадцать, отец впервые отправил его с караваном. Мать украдкой плакала – она хорошо помнила, что чуть не потеряла своего первенца, но мужчина должен расти мужчиной. Получив от отца наставления, кошель с монетами и телегу с товаром, Джанлукко отправился в путь. Отец его торговал полотном, а сыну сложил в телегу разный мелочный товар – ленты, иголки, тесьму, детские игрушки и яркие сладости. Все это ждали в мрачных северных деревнях. Там, где женщины носят черные платья, лишь по праздникам позволяя себе яркий наряд, а мужчины говорят так редко, что весна успевает прийти на смену зиме, прежде чем северянин закончит рассказывать анекдот.

Взамен Джанлукко должен был закупить полотно, тонкую пряденую шерсть, северный рыжий лен и шкуры, ведь мехами стало модно украшать платья.

Выезжали на рассвете. Молодого Джанброцци провожала премиленькая девушка – Бьянка, дочь синьора Абруцци. Она не поленилась встать вместе с солнцем и принести на площадь узелок с лепешками и сыром для красивого парня с черными кудрями. Джанлукко только рассмеялся в ответ на ее лепет:

– Бьянка, это мой первый караван! Кто знает, будет ли он успешен. И даже если будет, мне рано жениться! Я хочу по-видать мир!

Девушка прикусила губу, чтобы не наговорить парню лишних слов, просто сунула ему узелок и убежала.

– Эх, парень, – фыркнул возница, – девушек лучше не обижать! А то вернешься, а тут уже падре и алтарь во дворе!

Джанлукко фыркнул. С Бьянкой он точно не мял душистое сено, не тискался в углу сада и даже не дергал ее за юбку у городского фонтана. Он ее практически не замечал. Просто заглянул один раз в глаза, понял, что девушка не та, и отправился дальше. А ей почему-то показалось, что этот взгляд был чем-то особенным.

– Смотрю я на тебя, – возница давно служил у старшего Джанброцци и потому позволял себе иногда поучить молодого синьора, – и понять не могу – чего ты ищешь? Каждой ведь девице в глаза заглядываешь. И молодок не пропускаешь, и девчонок совсем!

– Да если б я знал, – Джанлукко присел на край телеги, ожидая сигнала к движению каравана, и с внезапной тоской

сказал: – Я не знаю, чего я ищущу, но знаю, что, если найду, буду счастлив!

– Гм, – возница с удивлением взглянул на паренька. Да, порой на берегах Срединного моря из таких котят вырастали львы, но... – А почему же в глаза девицам смотришь? Не синьорам, не собакам?

– Не знаю, – пожал плечами Джанлукко, – пойму, если найду!

Собеседники замолчали, а через несколько минут прозвучал сигнал к отправлению. Возница взялся за вожжи, молодой Джанброцци вскочил в седло – долгий путь на Север начался.

Поначалу дорога была для молодого человека интересной. Он и прежде выезжал из родного города в близлежащие деревушки, поэтому с радостью отмечал знакомые места, любовался пышными садами и виноградниками. Однако ухоженные земли плавно перешли в поля, потом в пастбища, а вскоре сменились довольно однообразными лесами. Возницы привычно подремывали на облучках, а молодой синьор весь извелся, не зная, чем себя занять. К несчастью, глава каравана спешил, желая пройти как можно больше, пока люди и кони свежи, а весеннее солнце еще не давит к земле даже в полдень.

На привал устроились только вечером. Привычные путешественники сразу занялись животными. Без коня ты в дороге – обуза. Так что лошадей чистили, кормили, поили, на-

крывали попонами и устраивали хотя бы под навесом, чтобы уберечь от прохлады и дождя. Джанлукко, прислушиваясь к совету возницы, вычистил скакуна, отвел его в конюшню, лично проверил сено и сам навязал ему торбу с овсом – и только потом отправился к столу.

Постоялый двор, на котором они остановились, часто принимал караваны, поэтому во дворе располагались обложенные камнем кострища с треногами для котлов. Молодой синьор присел возле котла и принялся помогать кашевару чистить овощи и крошить копченое мясо. Повар от помощи не отказывался. Караванщики постарше переплетали кнуты, раскуривали трубки в ожидании ужина, экономно распределяя силы. Джанлукко же засмотрелся на огонь и, закончив с овощами, взялся тихонько перебирать струны гитары.

Тихо побулькивала похлебка, хрустели сеном и овсом кони, разговоры отдалились, и вдруг этот мягкий фон замер. К огню вышла немолодая цыганка с трубкой в зубах.

– Яркого огня и полного котла, – пожелала она возчикам.

Те сдержанно загудели в ответ. Целый табор заставил бы их напрячься, но одинокая женщина в ночи не пугала. Между тем цыганка выколотила и убрала в поясной карма свою трубку, и протянула руки к огню. Мужчины подвинулись, давая ей место на бревне. Она молча села, дождалась раздачи мисок и протянула свою – помятую, но из хорошей меди. Повар молча ее наполнил, застучали ложки, потом по кругу пошла бутыль с легким вином, и ее цыганка не обошла,

булькнув себе немного в кружку. А вот потом, когда все расслабились, но спать еще не особо хотелось, кто-то из возчиков вдруг попросил:

– А погадай нам, чернобровая, всю правду скажи!

– Да чего тебе говорить, – хмыкнула женщина, не обидевшись, – все у тебя хорошо. И жена любит, и дети здоровы, к зиме еще один родится!

Возчик шумно выдохнул – не то испуганно, не то восторженно – и затих, опасаясь спугнуть доброе предсказание. Зато из толпы тут же вылез другой, протягивая свою не слишком чистую ладонь:

– А мне что скажешь, красотка?

– А ты до зимы не доживешь, – так же ровно ответила цыганка, – от дурной хвори помрешь, которую в борделе подхватил.

Мужик испуганно отшатнулся, и от него тут же потихоньку отодвинулись соседи. Больше желающих погадать не нашлось, но ведьма внезапно сама наткнулась взглядом на молодого Джанброцци, моргнула удивленно, всмотрелась и спросила:

– А ты что здесь позабыл, Страж? Твоя судьба ждет тебя дома!

– О, так прекрасная Бьянка все же твоя судьба! – фыркнул Дьеппо, хлопая сеньора по плечу.

Джанлукко дернул рукой и нахмурился:

– Синьора, должно быть, ошиблась, – вежливо сказал он, –

у меня нет невесты, а дома меня ждут родители и сестры.

– Ой, Страж, – покачала головой цыганка, – поспеши. Может, успеешь увидеть свою Розу...

Почему-то это незатейливое женское имя выбило у Джанлукко почву из-под ног. Качнулось темное небо, во рту пересохло, и захотелось немедленно вернуться домой. Но как же караван и приказ отца? Сглотнув, сын купца сумел вежливо поклониться ведьме и сказать:

– Спасибо за предупреждение, синьора, я буду спешить.

Цыганка что-то пробормотала себе под нос и вскоре ушла, вяло предсказав что-то мелкое еще парочке возниц. А поутру Джанлукко охватило нетерпение. Он с невиданной скоростью и выгодой сбывал свои товары, закупал полотно и пряженный лен, улыбался, шутил, крутился ужом на сковородке, чтобы быстрее пройти намеченный путь, и каждый вечер у костра брал гитару, изливая душу в таких нежных песнях, что даже скупые на эмоции караванщики роняли слезу.

Каждая дорога когда-нибудь кончается. Ранней осенью, когда лужи по ночам стали покрываться хрупким ледком, Джанлукко вернулся в родной город. Повзрослевший, раздавшийся в плечах, он въехал на Пьяццо-ди-Корвана, лихо спрыгнул с коня и сразу притормозил возчиков:

– Сначала товар на склад и коней в конюшню!

Те не стали ворчать – обняли жен и детей, а потом погна-ли три груженные доверху телеги к воротам особняка Джанброцци. Только тогда Джанлукко обнял мать и отца. Млад-

шие братья и сестры гроздью повисли на нем, и он начал со смехом отбиваться:

– Брысь, мелюзга! Мне нужно в купальню! Я, кажется, собрал пыль всех дорог Ломбардии!

Мать улыбнулась и махнула рукой немолодой женщине в темной одежде. Та подошла и быстро уговорила младших отцепиться от брата и двигаться в сторону дома. Джанлукко удивился:

– Кто это?

– Новая няня, – с улыбкой ответила синьора Джанброцци. – Отлично управляется с малышами.

Джанлукко мельком бросил взгляд на темное платье и заговорил с отцом о товаре:

– Я распродал все, что ты дал мне, отец. Взамен взял полотно, ниток и шкур. Первая телега все заполнена тканью, вторая мотками, а в третьей меха.

Отец довольно блеснул глазами. Он-то рассчитывал на то, что сын вернется с одной телегой, а тут прибыток!

– Телеги и коней я купил, возчиков нанял в караване, – продолжал Джанлукко, – плюс немного торговал по дороге... В общем, привез все, что ты мне давал с собой, и немного сверху!

У синьора Джанброцци пропал дар речи! Деньги на дорожные расходы он выдал скуповато, опасаясь, что молодой парень в дороге загуляет, но Джанлукко привез все назад, да еще с прибылью!

– Идем в дом, сынок, расскажешь! – заторопила синьора, улыбаясь сквозь набежавшие слезы. – А знаешь, Джанни, – тут же вспомнила она, захватив взглядом тоненькую фигурку на краю площади, – к нам Бьянка каждый день заходила!

Сын поморщился:

– Мама, не надо! Мне еще рано жениться, да и не нравится мне Бьянка!

– Она же тебя провожала, – с укоризной бросила синьора Джанброцци.

– Меня и Битти провожала, – усмехнулся Джанлукко, кивая на старую собаку, радостно встречающую его во дворе.

Синьора насупилась и громко позвала служанку:

– Мирта, проводи молодого синьора в купальню, принеси простыни и чистую одежду!

Хорошенькая черноглазая девица стрельнула в Джанни глазами и пропела:

– Ах, синьора, так ведь ни один камзол не налезет! Молодой синьор так раздался в плечах!

Джиневра Джанброцци снова глянула на старшего сына, словно увидела его впервые, и приказала подать жилет и шейный платок, а завтра непременно позвать портного, чтобы подогнать по фигуре сына парочку камзолов из старого отцовского гардероба. Все же синьора была рачительной хозяйкой и хорошо разбиралась в тканях и юношах. Ведь наверняка завтра же сын отправится отмечать приезд, кутить с друзьями, и одежду после их приключений можно будет вы-

бросить в канаву. Так пусть портит то, что уже и не страшно испортить!

Глава 4

Джанлуко наверняка оправдал бы все опасения отца и матери, если бы не предсказание цыганки. Ему покоя не да-

вало то, что предсказанное счастье ждет его дома! Где? Отмокая в купальне, он расспросил говорливую Мирту о новостях и узнал, что в доме не прибавилось обитателей. Умерла старая нянюшка синьора Джанброцци, а взамен принята новенькая.

– Вдова молодая из Сиенны, – щебетала Мирта, натирая широкие плечи молодого синьора намыленной губкой. – Говорят, не успела замуж выйти, сразу овдовела. Год у родителей прожила, и к ней опять синьор посватался. Она отказала и уехала, чтобы не осуждали. А синьора Джиневра приняла ее, говорит, хорошо с малышами управляется!

– М-м-м-м, – протянул Джанлукко, млея под умелыми движениями служанки. Он знал, что стоит ему пожелать, девушка охотно залезет к нему в бадью или склонится над скамьей. Ну, а если вдруг по недосмотру начнет расти живот – синьора даст ей небольшое приданое и уйдет в деревню. На такие «забавы» молодого господина во многих домах смотрели сквозь пальцы. Однако сегодня Джанлукко почему-то не хотелось прижимать к себе Мирту, поэтому, когда шаловливая ручка скользнула вниз, он отстранился и приказал:

– Подай мыло для волос!

Девушка неохотно отошла от бадьи. Красивый синьор, молодой и горячий, мог доставить ей удовольствие, да и пара монет к приданому не помешала бы, но Джанни уже принялся смывать пену и больше на попытки служанки привлечь внимание не отвлекался.

Через полчаса чисто вымытый и нарядно одетый Джанлукко вошел в главную комнату дома. Там уже стоял накрытый стол, вокруг суетились домочадцы, только отец сидел довольный, пролистывая тетрадь с его дорожными записями.

– Садись, сын! – родитель торжественно указал ему на стул рядом с собой.

Джанни поклонился, благодаря за честь, сел и с удовольствием принял из рук матери полную миску наваристого рыбного супа с чечевицей.

Отец, сдерживая нетерпение, дал наследнику окунуться в домашнее тепло – съесть суп, жаркое, теплый пирог с ягодами, выпить бокал вина и послушать пение сестер, а потом все же нетерпеливо поманил сына в свой кабинет. И там уже пошла работа. Вдвоем они обсудили каждую продажу и покупку, вышли во двор, перебрали тюки полотна и мешки с нитками, вынули короб с подарками для сестер и матери, раздали хихикающим девчушкам красивые плетеные шнурки с серебряными эглетами. Синьоре Джиневре Джанлукко сам накинул на плечи длинную серебристую шкурку редкой северной лисы и был вознагражден радостными слезами матери.

В общем, день получился шумный, суетный и праздничный, а к вечеру в дом начали заглядывать соседи. Многие уже слышали об удачном возвращении младшего Джанброцци и спешили поздравить семейство, порадоваться за друзей и прикоснуться к легкокрылой удаче, накрывшей дом Джан-

брощи светлым крылом.

Вот в этой суе и шуме вылетела на Джанлукко свежая, румяная от волнения Бьянка:

– Джанни! – выдохнула она радостно. – Отец сказал, что с твоим уже сговорился! Свадьба у нас будет осенью!

Молодой купец отодвинул от себя сияющую деву и свел четкие черные брови:

– погоди, Бьянка! Кто сказал? Твой отец?

– Мой, мой, он с твоим отцом весь вечер разговаривал, вот и договорились! Отец за мной оливковую рощу дает! – девушка все еще сияла карими, как вишни, глазами, сверкала улыбкой, радуясь нахлынувшему счастью.

Но Джанлукко отстранился и хмуро взглянул на парочку подвыпивших купцов, сидящих во главе стола.

– Не говори никому, Бьянка! – строго сказал он. – От вина родители наши расшумелись и много лишних слов наговорили! Я жениться не собираюсь!

Лицо Бьянки побледнело, глаза заблестели слезами. Она убежала, хлестнув «жениха» по ногам тяжелыми юбками, и многие посмотрели на молодого Джанброцци с осуждением. Впрочем, Джанни не стал отвечать на взгляды и ехидные словечки. Он подошел к отцу и жестко сказал, не слушая радостных приветствий:

– Отец, ты сам выбрал маму в жены и мне не мешай мое счастье искать!

Синьор Джанброцци смутился. Ему показалось хорошей

идеей женить сейчас сына, поймать удачу за хвост и удержать ее. Бьянка красавица, и отец у нее добрый купец. Оливковую рощу за дочкой дает и пару сундуков с одеждой, бельем и дорогой посудой. С удачей Джанни можно и дом сразу добрый поставить, и с караванами успешно ходить. Красивый и обходительный парень сумеет изрядно заработать, и отец будет первым советчиком. И жена дома будет ждать, и дети, глядишь, пойдут...

– Что ты, сынок, – сквозь хмель улыбнулся Батиста, – я думал, тебе Бьянка нравится, дева достойная и красивая...

– Нет, – строго сказал Джанни, и Батиста вздохнул – быстро его первенец вырос!

– Ну, как знаешь! – не стал упираться купец, но все же прищурился: – Или тебе именно Бьянка не по нраву? Другая на сердце лежит?

– Это неважно, – поспешил завершить разговор Джанлуцко и отошел от отца.

Ему внезапно стало одиноко и грустно. Он почти не пил в этот вечер, а страх внезапно оказаться женатым и вовсе вымел из головы хмель, так что он устало и недовольно смотрел на шумно веселящихся друзей и соседей, а потом решил выйти из душных комнат в сад.

На город опустилась ночь. Крупные звезды сияли в темном небе. Ветерок шелестел листьями, то и дело бросая в лицо ароматы цветов и моря. Откуда-то со стороны донеслась мелодия колыбельной. Джанлуцко постоял, вслушиваясь в

мягкий незнакомый голос, и осторожно двинулся в глубину сада. Он догадывался, что увидит.

Синьора Джиневра была дамой предусмотрительной, ценящей свой покой. Она знала, что малыши не уснут в шумном доме, полном гостей, и на другой день будут капризными, утомляя домочадцев. Поэтому вскоре после рождения старшего сына распорядилась устроить в тихом углу сада беседку. Простое строение из дерева и камня – основательный фундамент, оберегающий от змей и грызунов, каменные плитки пола. А дальше легкие деревянные колонны, простенки из мелких речных камней и глины и сланцевая крыша с затейливым флюгером. Стены ажурного строения быстро заплел виноград, и вскоре беседка превратилась в часть сада, про которую знали только домочадцы.

Зимой беседка пустовала, и в нее убирали на зиму корзины. Весной полы и стены отмывали, выметали замерзших жуков и бабочек, вставляли в окна рамы, обтянутые редким полотном от насекомых, устилали простые топчаны соломенными тюфяками, и дети, а порой и взрослые, спали тут в жаркие ночи. Во время шумных пиров в беседку уходила нянька с малышами. Им приносили ужин, ночничок, и дети мирно засыпали под колыбельные и сказки.

Едва дыша, Джанлукко добрался до знакомого строения и замер, прислушиваясь. Женщина пела мягким грудным голосом, малыши еще возились, что-то бормотали, но было понятно, что они вот-вот уснут, подчиняясь магии женского го-

лоса. Не желая тревожить детей, молодой Джанброцци прошел дальше, к родничку. Присел на скамью, задумался, любуясь звездами, и позабыл о времени.

Очнулся он, когда из темноты вырезался острый силуэт и подошел к роднику. Черное платье и черное головное покрывало резко оттеняли белую кожу лица, рук, красивую шею и... нянька приподняла юбки и тщательно вымыла в каменном корыте ноги, смывая дневную усталость. Потом умыла лицо и шею, пригладила выбившиеся волосы и ушла обратно к беседке, не заметив Джанлукко. А он забыл, как дышать. Его внезапно и сильно потянуло к этой спокойной печальной женщине с красивыми руками и белой кожей. Захотелось сдернуть с ее волос вдовий платок, заглянуть в глаза, прижаться губами к жемчужно мерцающей коже...

Джанни так и просидел бы у родника до утра, но к воде пришла шумная компания – освежиться перед уходом домой, и он тихо и незаметно ушел по знакомой тропке к дому.

Глава 5

После пира жизнь купеческого дома вошла в прежнюю ко-

лею. Лето отцвело, вся семья занималась заготовкой овощей и фруктов на долгую дождливую зиму. Даже малыши садились рядом со своей нянькой, лущили фасоль, бобы, низали на длинные нитки кисти зеленоватого раннего винограда и смоквы. Вся семья в такие дни собиралась во дворе, заполняя кладовые плодами сада и виноградника. Синьора Джиневра строго следила за тем, чтобы каждый получил свою долю работы и выполнил ее.

Джанлукко редко удавалось посидеть вместе со всеми, перебирая виноград или оливки. Отец водил его с собой на рынок, на склады, учил отбирать товар на ярмарках, подписывать договоры и уличать нечестных торговцев, желающих подсунуть порченный товар. Наследнику приходилось крутиться как белке в колесе, и он крутился, но совершенно перестал бывать в компаниях, пить вино с друзьями и веселиться. Синьора даже шутливо упрекала мужа, что он не даст сыну времени на развлечения, а тот лишь отмахивался:

– Успеет еще! Сейчас время упустить нельзя! Самый сезон!

Записи, договоры, покупки... Старший Джанброцци мечтал отправить зимой на север еще один караван – с изюмом, оливками, вяленым инжиром и оливковым маслом. Еще на севере охотно брали лекарственные травы, морскую соль, пряности, шелка для свадебных платьев и ленты для кос. Жаловали северные мореходы и крепкие конопляные и льняные веревки, краски для тканей и хорошее оружие.

Впрочем, Джанброцци оружием не торговал, считая это делом неразумным и слишком опасным.

Сын с отцом не спорил, но иногда задумчиво рассказывал что-то из своей первой поездки с караваном:

– Алые платья у них носят молодые жены целый месяц после свадьбы, да и потом на все праздники целый год надевают. А уж если молодка сына родит, то из того платья нарежет лоскутов и на все остальные платья нашьет, чтобы еще сыновья были. Так что красные ткани туда нужно везти такими кусками, чтобы на замужнюю женщину, ждущую ребенка, хватало.

Батиста кивал и делал пометки в отдельном свитке.

– А голубые ткани у них редкость. Очень северяне этот цвет любят и покупают ткань для юных дев. Жены часто носят зеленый. Мужчины тоже любят принарядиться, но больше украшениями сверкают да хорошим оружием. А вот на плащи яркой ткани им нужно. Только солидной, с узорами!

И так спокойно и ровно Джанлукко все это объяснял, что к нему и другие купцы стали прислушиваться да в караван проситься. А старший Джанброцци и рад – чем больше караван, тем больше шансов добраться до места и вернуться живыми!

Радовался купец и не замечал, что его сын ищет взглядом няньку младших сестер и братьев. Как пристально он наблюдает за ее играми с малышами, как норовит поднять вместо нее тяжелую корзину или быстро подросшего братца.

Но встречи эти были на самом деле редкими. Нянька жила в детской, укладывала детей рано и не спускалась в общий зал, если хозяйка не забывала прислать ей ужин. А наследник Джанброцци не появлялся дома раньше заката, да и вход в его комнату был сделан отдельным – с улицы, чтобы молодой синьор не будил домочадцев, явившись ночью домой с гулянки.

Время тянулось карамельной нитью, и как-то незаметно наступило время сбора винограда.

На праздник «первой грозди» собрались все, кто мог ходить. Женщины быстро и ловко срезали тяжелые кисти, мужчины носили корзины к давальным чанам. Самые юные, ловкие и быстроногие плясали на ягодах, выжимая сок, хлопотливые хозяйки готовили общие столы, заполняя блюда хлебом, сыром, жареными овощами и колбасами.

В этой суете и шуме был лишь один тихий уголок – большое покрывало, обставленное хлебными корзинами. На мягкой плотной ткани копошились младенцы, а рядом сидела нянька в черном одеянии и перебирала ягоды, присматривая за малышами.

Среди родственников и слуг Джанброцци нашлось немало мужчин, заметивших красоту молодой вдовы. Кто-то пошутил, кто-то игриво подмигнул – женщина не обращала внимания, продолжая заниматься своими делами. Джанлукко выплясывал с братьями и кузенами в давальном чане, но видел, как смотрели на няньку. Пусть рядом крутились юные

и свежие девушки, смеялись служанки, недавно прибывшие из деревни, да и синьоры постарше радовали взор, но именно к строгому черному покрывалу возвращались черные глаза молодого купца.

Когда настало время слить сок и забросить жом под пресс, Джанни выбрался из чана, ополоснул ноги в корыте с водой и прилег на траву, закинув конечности на скамью – так ноги успевали отдохнуть, пока носильщики засыпали в чан новые корзины сочных ягод. Ноги гудели, но голова сама повернулась к покрывалу и сидящей на нем женщине. Белое горло, белые руки... Джанлуко сглотнул, представив на миг, как эти длинные пальцы порхают над его телом...

– Роза! – молодой Джанброцци вздрогнул, когда услышал голос матери. – Роза, – повторила синьора Джиневра, – покорми детей! Я принесла молоко!

Нянька встала, взяла кувшин, поставила его в тень, потом тщательно вымыла руки и принялась размачивать кусочки лепешки в молоке и совать в беззубые ротки. Дети смеялись, жевали, пили молоко, проливая на рубашонки, и, кажется, солнечный свет смеялся вместе с ними.

Внезапно на лицо Джанни упала тень. Отец тоже засмотрелся на малышню и, заметив взгляд старшего сына, сказал веско:

– Выбери себе невесту – и через годик будешь смотреть на своего ребенка.

– Я не спешу, отец, – усмехнулся в ответ Джанлуко, – вы

с мамой пока и без меня справляетесь!

– Наглец, – хмыкнул родитель, – ничего, помотаешься по свету и тоже захочешь свой дом, мягкую постель и теплую женщину рядом!

Молодой Джанброцци не стал разуверять отца, просто фыркнул, как молодой конь, и вскочил – танцоров звали в давильный чан.

Вечером, когда зажгли факелы, убрали в подвалы бочки и уложили маленьких детей спать, все собрались за столами, стоящими прямо в саду. Рекой лилось слабенькое вино, быстро опустошались блюда с хлебом, сыром и овощами. Звучала музыка и кое-кто уже пел, наплясавшись за день в давильном чане.

Джанлукко сидел рядом с отцом, поднимал кубок, но едва притрагивался к вину. Все несколько устало веселились, ели, пили, смеялись, а у молодого купца на душе было тягостно. Он ведь выполнил данное самому себе обещание и заглянул в глаза каждой женщине в доме. Кроме... вдовы Розы. Она не позволяла приблизиться к себе, прятала взгляд, брала на руки ребенка, в общем, делала все, чтобы молодой синьор держался от нее подальше.

Вскоре начались танцы, и вот удивительно – парни и девушки, весь день проводившие в давильном чане, с удовольствием выходили в круг, чтобы зажечь теплую южную ночь своей пляской! К ним присоединялись и синьоры постарше. Наконец танцующих стало так много, что никто уже не об-

ращал внимания на другие пары. Вот тогда младший Джанброцци решительно отодвинул кубок и двинулся к стоящей в уголке няньке. Она пряталась под густой вязью винограда и смотрела на танцы с тоской во взоре. Ей явно хотелось танцевать, но вдову не приглашали – то ли пугал ее траурный наряд, то ли тяжелый взгляд, а может, и то и другое. Зачем беспокоить грустную женщину, если вокруг так много хохотушек, желающих развлечься?

Джанлукко подошел ближе, приобнял женщину за талию, чувствуя, какая она тонкая и гибкая под грубой тканью вдовьего платья. Не давая ей возможности вывернуться, потянул в круг. И уже там, взяв ее за руки, заглянул в карие вишни глаз... Заглянул и пропал. Завис над пропастью, боясь сделать вдох! Она тоже застыла, кипя эмоциями, потом вырвалась из его рук и скрылась в толпе, а молодой купец снова смог дышать, чувствуя тяжелую занозу в сердце.

С того дня молодой Джанброцци будто сошел с ума – всюду преследовал Розу. Он не пытался завалить ее на снопы соломы в сарае или на корзины с мокрым бельем в день большой стирки. Нет. Он помогал таскать воду в корыта, отжимал тяжелые простыни, выбирал из ее волос соломинки и вежливо целовал натруженную руку, когда она уходила в детскую.

Родители и все домашние впали в недоумение. Пожелай наследник рода переспать со вдовой, взятой в дом из милости – никто бы не нашел в этом ничего зазорного. Но ухаживать

вать? Оказывать почести, как благородной синьоре? Да еще приносить ей цветы, вышитые ленты для волос и сладости? Словно невесте?

Джанлукко не был совсем уж глупым и привозил ленты и финики сестрам, но обязательно одаривал и няньку, хотя та смущалась, отнекивалась и редко брала подарки. Но слухи остановить нельзя. К тому же наследник Джанброцци совершенно перестал обращать внимание на прочих девушек. Ни красавицы, ни умницы, ни откровенные кокетки более не трогали ни его ума, ни сердца. Он оставался вежливым юношей, но к дамам перестал даже приближаться, зато мог весь вечер просидеть у ног няньки, слушая, как она рассказывает малышам сказки, успевая штопать их чулки и рубашонки.

Словно с ума сошел наследник!

Глава 6

Когда за окнами полетели редкие белые мухи, а грязь на дорогах замерзла, синьор Батиста объявил сыну, что караван готов отправиться в путь. Товары закуплены, кони вычищены, возницы наняты. Джанлуцко неохотно собирал свой дорожный мешок. На сердце было тяжело. Роза, его Роза только на прошлой неделе улыбнулась ему. А вчера перестала вырывать руку, когда он принялся играть ее пальцами, иногда целуя узкое запястье. Сегодня он надеялся урвать поцелуй в губы в темном закутке под лестницей, а вынужден собирать чистые сорочки, теплый жилет и запасные портянки.

Вздыхнув, Джанлуцко взъерошил темные кудри и, еще раз проверив содержимое мешка, вышел из комнаты. Его ждал семейный ужин, прощание с матерью, наставление отца, тревожные взгляды младших, а завтра на рассвете – долгий путь на север с новым, большим караваном. И он должен раздуться от гордости и счастья, а он печалится, потому что долго не увидит карие вишни глаз, оттененные черным головным покрывалом.

Ужин прошел ожидаемо. Были и шутки, и смех, и добрые пожелания. Роза увела малышню спать, как только подали панна-котту с курагой. Беттина капризничала, и нянька унесла ее на руках, напевая колыбельную. Остальные малыши ушли сами, помахав Джанни руками на прощание.

Младший Джанброцци выдержал приличное время, выпил бокал вина с отцом и ушел к себе. А потом крадучись вернулся в дом, поднялся на второй этаж и неслышно приоткрыл дверь в детскую. Роза сидела у камина, бездумно глядя на угли. Джанлукко подошел, положил тяжелые ладони ей на плечи и не удержался – уткнулся носом в ее белую шею, жадно вдыхая ее запах.

Молодая женщина не сопротивлялась. Только шепнула:
– Не здесь, Джанни!

Он стиснул ее ладонь, помог подняться и повлек коротким путем в свою комнату. Туда, где стоял собранный заранее дорожный мешок. Туда, где была расправлена большая кровать со свежим бельем и мягкими подушками.

Она остановилась у кровати и, глядя ему в глаза, медленно, словно задыхаясь, потянулась к шнуровке на груди. Джанни не торопил. Он пил ее взглядом, стремясь запомнить, и сам постепенно снимал одежду. Пусть у них будет сейчас эта ночь. Сказочно прекрасная, долгожданная. Он будет честен с женщиной, которая доверила ему себя...

Отбросив вместе с одеждой ненужные мысли, Джанлукко замер, любясь невероятной картиной – белое, нежное тело молодой женщины сияло в кругу ее черных юбок. Должно быть, от волнения она стиснула руки, и ее черное покрывало оттеняло белизну ее лица и тела. Картина была так прекрасна, что молодой купец на миг закрыл глаза, а потом шагнул вперед, опустил на одно колено, поймал ладонь Розы и по-

целовал ее. И лишь потом так же благоговейно коснулся поцелуем ее живота, принимая ее безусловное доверие.

Он не спешил. Не рвался завершить дело. Он любовался и тянул каждый момент, целуя губы, щеки, закрытые веки, лоя губами слезинку, скользнувшую по гладкой коже... Он не хотел этих слез, но знал, что они неизбежны. Женщина оплакивала прошлое, шагая в будущее, а он усиленно толкал ее туда.

Как они очутились в кровати, Джанлукко не помнил. Помнил аромат и вкус ее кожи, помнил собственное восхищение черной копной волос, хлынувших из-под покрывала, помнил свои руки, лежащие на талии Розы, а как она распростерлась на прохладных простынях – не понял. Только навис над ней, лоя губами соски, разводя коленом ее судорожно сжатые ноги, потом впился в маняще-алый рот, и... проникнуть в ее лоно оказалось очень трудно.

Узкая. Невероятно узкая и тесная. Должно быть, она блюла себя после смерти мужа, мелькнула мысль в голове Джанлукко, и в ту же секунду он понял, как ошибался. Лицо Розы исказилось, она негромко вскрикнула, попыталась его оттолкнуть, но он уже взломал хрупкую преграду, войдя на всю длину. И замер, уткнувшись лбом в плечо вдовы, только теперь ставшей женщиной.

– Почему? – хрипло спросил он, запрещая себе двигаться.

Хотелось. Неимоверно хотелось отступить назад и ворваться в ее лоно с новой силой. Да только он слышал ее

хриплое, рваное дыхание, чувствовал слезы, подступившие к ее горлу, готовые пролиться рыданиями, и всем существом осязал внутренние мышцы, готовые вытолкнуть его из ее тела.

– Просто, – таким же хриплым голосом ответила Роза, – мой муж... он был уже стар. Болен. Ему нужна была сиделка, а не жена.

– Не жалеешь? – серьезно спросил он, заглядывая ей в глаза.

– Не жалею, – стряхнув с ресниц слезы, ответила Роза и нежно добавила: – Джанни...

И все. Это стало последней каплей. Он все-таки сорвался. Ему хватило трех движений, чтобы улететь куда-то к небесам, а потом рухнуть в ее горячее тело. Он видел и понимал, что для нее это было лишь кратким безумием, и разочарование уже готово накрыть ее с головой, и Джанлукко опередил ее:

– Я вкусил твоей сладости, моя Роза, а теперь я покажу тебе звезды...

И он мягко, нежно, обещающе поцеловал ее припухшие губы, а после обнял, давая понять, что здесь и сейчас она не одна, и накрывшее его безумие может стать общим.

Потом снова были поцелуи, глоток вина из кувшина и медленные ласки, призванные вновь разжечь погасший было огонь. И Роза ахала и улыбалась, извиваясь под его руками, губами и языком. А к рассвету, когда он решил все же

немного вздремнуть, она набралась смелости и сама опустилась на него, постанывая и умоляюще заглядывая в глаза. Он моментально стряхнул сонливость и потянулся губами к ее груди:

– Ты прекрасна, моя Роза!

Когда вдалеке заржали кони, готовые отправиться в путь, Джанлукко вскочил и обнаружил, что Роза уже ушла. Он стянул с кровати простыню, любовался ярким пятном на тонкой льняной ткани и спрятал полотно в сундук. Незачем кому-то знать, что Роза только его. Он вернется к весне и женится на ней! Да! Так и сделает!

Схватив дорожный мешок, младший Джанброцци выбежал во двор навстречу конюху и радостно хлопнул жеребца по морде:

– Привет, Быстрый! Едем на север?

Конь тихонько заржал, радуясь подsunутой морковке, и Джанни счел, что это хороший знак.

* * *

Роза провожала его, стоя у окна детской. Между ног саднило. Измученные поцелуями губы сладко ныли, соски терлись о грубую ткань нижней сорочки, но внутри нее что-то пело и рвалось туда, на холодный камень купеческого двора. Хотелось обнять Джанни на прощание. Заглянуть в его глаза, провести рукой по тугим черным кудрям. Он так красив,

молод и горяч, а она думала, что навсегда похоронила себя под вдовьим покрывалом...

Позади захныкала малютка Джина, и Роза отошла от окна, чтобы покачать кроватку. Джанни уехал, а она будет ждать. Прясть, петь, рассказывать детям сказки, штопать чулки и шить сорочки. Зима – тихое время. Все прячутся под крыши, греются у очагов, попивая вино и сплетничая. Ох, только бы никто их не заметил! Роза неожиданно вздрогнула, поежилась и даже подошла к огню, чтобы раздуть угли. Сердце обвил холодок. Она неровня наследнику купеческой семьи. Ей позволят быть любовницей Джанни, пока он собирает капитал, а потом найдут хорошенькую девушку с приданым. Но может, и ей достанется кусочек счастья? Год или два рядом с любимым мужчиной?

Вздыхнув еще раз, Роза встала, спрятала под покрывало выбившиеся косы и пошла за водой. Новый день наступает. Нужно поставить ведро в камин, чтобы умыть с утра смуглые щечки младших Джанброцци. Потом принести еще дров, забрать с кухни поднос с завтраком, накормить всех, а после усадить девочек шить наряды куклам. Мальчиков заберет Джакопо, старый слуга уведет их на конюшню и будет учить чистить и холить коней. А там уж синьора заглянет в детскую – проверит, все ли хорошо, и поведет Литту на кухню – учиться готовить и считать продукты. Джина сможет поспать под тихое пение, а Бетто будет пробовать ходить, цепляясь за мебель. Обычный день в большой семье.

Вечером все соберутся в зале, у камина, и синьор Батиста расскажет домочадцам о дороге на север. О диковинных зверях, растениях и людях, которые там встречаются. Покажет раскрашенные дощечки, на которых Джанни рисовал свой путь в прошлый раз, и подарки, которые почтительный сын привез родителям. В этом городе верили, что человек, которого помнят – вернется.

Следующий месяц прошел для Розы словно во сне. Она все так же сидела с детьми, шила, помогала перебирать бобы к ужину или изюм для пирожков. Вечерами спускалась в общий зал и даже иногда улыбалась, когда ее подопечные принимались танцевать и петь, чтобы порадовать домашних. Но ее сердце было там, в пути, на каменистых дорогах севера.

Через месяц в голубятню прилетел замученный голубь. Купец сам помог летуну добраться до кормушки и снял с него крохотный кожаный футляр с письмом. Джанлукко писал отцу, что они пересекли границу, потерь нет, и теперь все лишь в руках Божьих. Взволнованный синьор Батиста в тот же день пригласил каноника и отслужил в доме благодарственную литию. Роза стояла на молитве вместе со всеми домочадцами и от всего сердца просила Бога ниспослать Джанни удачу во всем.

Молодая женщина так увлеклась, что не заметила интереса, который каноник проявил к ней. А между тем служитель храма, собирая книги и свечи, спросил у синьора Батиста – что за вдова живет в его доме, уж не родственница ли?

Купец же, не заметив подвоха, ответил – нет, не родственница. Служанка. Няня младших детей. Служитель похвалил синьора за христианское милосердие и тут же пожаловался, что его перевели в собор недавно, и некому навести порядок в его скромном жилище. Синьор Батиста отмяк душой после молитвы и предложил канонику прислать служанку:

– Не волнуйтесь, святой отец, у нас в доме хватает ловких женщин. Пришлю к вам кого побойчее.

– Благодарю от души, синьор Батиста, да только неуместно мне, служителю церкви, принимать в доме девиц. Как бы не случилось поклепа...

В обычный день синьор Джанброцци, может, и поберегся помогать там, где не просят, но добрые вести притупили его обычную цепкость.

– О чем речь, святой отец. Велю Розе к вам заглянуть. Она честная вдова, и в этом не будет худого!

Храмовник ушел, а купец отыскал няньку возле детей и велел ей на следующий день сходить к служителю храма, чтобы прибраться в его келье.

– Возьми, что нужно для уборки, с собой, – важно покивал головой старший Джанброцци, – и захвати на кухне ковригу хлеба, круг сыра и кувшин вина. Пусть святой отец помолится за нашего Джанни!

Роза молча поклонилась. Ей и так хватало забот с малышами, но послушаться купца она не смела.

На следующий день молодая женщина собрала в корзину

старые тряпки, немного мыла, щетку, запасной передник и чепец. Во вторую корзинку отправились подарки. До Храмовой улицы вдова шла неспешно – тяжелые корзины оттягивали руки, а еще ей хотелось немного отдохнуть от вечной суеты детской комнаты и посмотреть на город. Ее не узнавали, ведь она редко покидала дом Джанброцци, однако, завидев черное покрывало, многие вежливо кланялись.

Роза быстро добралась до храма, спросила у служки, где келья каноника, и, подойдя к добротному домику, постучала. Мужчина в строгой рясе открыл дверь и тут же расплылся в улыбке:

– А, служанка из дома Джанброцци! Приступай! – каноник посторонился, пропуская женщину в дом, но не ушел.

– Синьор Джанброцци просил передать вам этот скромный подарок, – не решаясь протискиваться мимо крепкого еще мужчины лет сорока, служанка вручила ему корзинку с гостинцами.

Это сработало – каноник отступил в глубину дома, чтобы заглянуть в корзинку, и Роза вошла в дом, настороженно сверкая темными глазами.

По правилам церкви, ее служителям надлежало пребывать в бедности, посте и молитве. Однако келья каноника отличалась приличными размерами. Примерно половину домика занимало единое пространство, включающее в себя сразу и кухню, и прихожую, и некое подобие гостиной. Слева располагалась кухня. Там стояла дровяная печь с плитой,

открытые полки с простой посудой и шкаф для продуктов. Еще был утопленный в пол ларь для овощей и стол для готовки. Роза решила начать отсюда, потому что здесь ей все было понятно. Странно, что в доме Божьего служителя вся плита залита жиром, горшки закопчены, словно в них варили мясную похлебку, а на полках красивого резного шкафа стоит множество драгоценных безделушек и книг. Но кто такая Роза, чтобы судить?

Подобрав верхнюю юбку, как делают это поденщицы и прачки, молодая женщина вынула из корзины просторный рабочий фартук и повязала его, полностью скрывая фигуру от шеи до пят. Полотно передника можно вскипятить с золой, а вот плотную шерсть ее темных юбок стирать замучаешься, да и краска отойдет. Лучше побережь единственное выходное платье! Вдове покрывало Роза так же аккуратно сняла и убрала в корзинку. Взамен натянула уродливый полотняный чепец на завязочках – он отлично уберегал волосы от паутины, пыли и сажи.

Потом молодая женщина нашла в углу ведро и повернулась к хозяину кельи, чтобы спросить, где тут колодец. Каноник смотрел на нее почти с презрением, но про колодец все же ответил. Сходив за водой, Роза принялась за уборку. Она скребла, мыла и чистила, погрузившись в свое дело, и не заметила, что каноник подобрался к ней очень близко. Однако ощутив на талии мужские руки, молодая женщина вздрогнула и обернулась.

– Что такое, святой отец? – спросила она, борясь с желанием заехать ему по физиономии грязной тряпкой. – Споткнулись?

Мужчина раздраженно сверкнул глазами, но руки опустил.

– Да, не устоял на ногах! – сказал фальшиво, а потом вдруг огладил Розу по заду.

Она дернулась и закрутилась на месте, заставляя мужчину отступить.

– Что такое, синьор? Неужели паук прицепился? – непонимающе хлопнула она ресницами.

– Показалось, юбка помялась, – с пошленькой улыбкой ответил служитель, отступая.

– А у вас утюг есть? Может, вам нужно облачение погладить? – сказала Роза, изображая дурочку, не понимающую намеков.

«Мятыми юбками» иногда называли девиц, ночующих с дружками на сеновале.

Каноник отошел от нее, ощерясь, но вдова уже не поворачивалась к нему спиной и вообще старалась быстрее закончить работу и уйти.

Глава 7

С отъезда Джанни прошел месяц, когда Роза заметила, что ее «женские дни» не пришли в свое время. Это было странно. Потом пришла бледность, тошнота по утрам и желудочные колики. Испугавшись, в один из дней молодая женщина отправилась к травнице, что жила на соседней улице. Лекарши брали за прием слишком дорого, а повитуха, которая неплохо лечила женские болезни, была слишком болтлива. Травница же – тихая старушка, отличалась удивительной молчаливостью.

– Добрый день, синьора, – Роза, стесняясь, зашла в лавку, подгадав самое тихое время дня.

– Добрый день, синьора, – старушка подняла выцветшие глаза от пучка лаванды, с которого аккуратно обрывала соцветия.

– Я чувствую недомогание и хотела бы купить травы, помогающие в этом случае.

– Что ж, опишите, что чувствуете, – сказала старушка, не прерывая своего занятия.

Роза перечислила все и напоследок добавила, что у нее пропали «женские дни», но это, пожалуй, нормально, она ведь уже немолода.

В ответ старушка хрипло рассмеялась:

– Ох, синьора, насмешили. Или вы решили, что глупая

старуха даст вам зелье, чтобы вытравить плод? Таким не занимаюсь!

– Какой плод? – хлопнула ресницами Роза, и травница смягчилась.

– Неужели вы ни разу не носили дитя под сердцем, синьора?

– Не пришлось, – она закусила губу, чтобы сдержать жалобный всхлип.

– Так вот, Бог послал вам радость. У вас будет ребенок. Берегите его. А от тошноты попейте имбирный чай или мяту и ромашку. Еще хороша огуречная трава и иссоп.

Получив рекомендации и мешочек с травами, ошеломленная Роза вышла из лавки. Беременна! Не может быть! У нее будет ребенок! У нее и у Джанни! Это... это просто чудо!

Она шла к дому Джанброцци и едва не приплясывала от радости. Улыбалась всем встречным и потому не заметила злобного взгляда каноника, выходящего из комнат синьора. Но уже в детской Роза озадачилась насущными вопросами – она вдова. Джанлукко далеко и неизвестно когда вернется. Что скажут люди? И не пора ли ей потихоньку съехать из гостеприимного дома Джанброцци? Но если она уедет, как ее найдет Джанни?

Проведя беспокойную ночь, Роза решила не спешить – пока никто не знает ее маленький секрет, она вполне может списать свое плохое самочувствие на проблемы с желудком, а там уже видно будет.

И снова полетело время – день за днем. Писем от Джанни больше не было, а вот уборка у каноника стала еженедельным делом. Иногда у Розы получалось увильнуть – ссылаясь на женскую нечистоту, но настырный священнослужитель вновь являлся в дом Джанброцци, чтобы провести молебен, и в качестве оплаты брал помощь служанки по дому. И ведь жаловаться было не на что! Хитрый служитель изъяснялся намеками и умудрялся якобы случайно зажать Розу в своей тесной кухоньке.

Наконец, измученная его приставаниями, она не стала сдерживать рвотный позыв и запачкала только что отмытый пол. Как ни удивительно – каноник все понял! Тотчас отпрыгнул от женщины, как от ядовитой змеи, и зашипел, словно огонь на сковородке:

– Вот, значит, как! Меня приласкать не сподобилась, а какому-то грубому мужику позволила залезть к тебе под юбку? Ну держись! Сегодня же госпожа Джанброцци узнает, какую развратницу пригрела на груди!

– Да и пусть узнает, – устало вздохнула Роза.

Отяжелевший живот и приставания каноника так измучили женщину, что она впала в какое-то странное равнодушие. Собрав рвоту, она окатила пол кипятком и ушла, забрав корзины и тряпки. Служитель церкви ее не удерживал. Однако мстительный и мелочный мужчина выполнил свое обещание уже на следующий день. Он явился к госпоже Джиневре перед самой сиестой и, сказав проповедь о нечестии, поведал

о беременности Розы. Синьора поначалу изумилась и велела позвать няньку, но, услышав, что это ребенок Джанни, разгневалась. Она сочла это обманом и уговорила каноника наказать лгунью. А тому того и было надо. Розу немедленно забрали в храмовую тюрьму – холодный подвал в одном из предделов – и заперли там без воды и еды.

Больше всего будущую мать пугала неизвестность. Каноник протащил ее через весь город, обзывая блудницей и лгуньей. А еще зубы стучали от холода, и приходилось постоянно ходить, чтобы согреться. Поздно ночью храмовник явился в темницу, принес корзинку с хлебом, сыром и горячим супом. И даже одеяло прихватил. Правда, речь вел не о спасении души, а о спасении тела. Он предлагал Розе «показать, чему ее научил младший Джанброцци», чтобы устроить ей побег. Женщина не верила в обещания, да и липкий взгляд каноника обещал ей не спасение, а муку, так что Роза отказалась и провела в холодном подвале три дня. А на четвертый день ее вытащили на площадь перед церковью и оглушенной, измученной и усталой прочитали решение соборного совета – за ложь, блуд и клевету выпороть кнутом и выгнать из города!

Сказать Роза ничего не успела – ее поднятые над головой руки в минуту прикрутили к позорному столбу, клинок палача скользнул от шеи к подолу, разрезая одежду, выставляя на всеобщее обозрение дрожащую голую спину, а в следующее мгновение позади свистнул кнут...

Молодой Джанброцци был счастлив! У него все получилось! Он продал товары, довел караван в полном составе и теперь возвращался домой с туго набитой мошной. Да еще в воскресный день! Будет благодарственная месса, будет праздник, и милая Роза, каждую ночь приходящая к нему во снах, снова раскинется своим потрясающе сочным и прекрасным телом на его постели!

В мечтах Джанни уже обнимал ее, но головой понимал – сначала нужно довести людей и телеги с товаром до родительского дома. Впрочем, все равно сейчас все гуляют по храмовой площади, лучше сразу поехать туда! Он сделал знак возницам и первым повернул на знакомую улицу.

Народу на площади было не протолкнуться. Странно, служба уже закончилась, ярмарки вроде нет. А, стал виден палач у позорного столба, донесся свист кнута и стон. Казнь. Не самое приятное зрелище для возвращения. Джанлукко хотел было повернуть назад, но его заметили, и толпа расступилась. Он вынужден был проехать вперед и очень удивился, увидев рядом с помостом свою семью.

– Отец, мама, что вы здесь делаете?

– Джанни, ты вернулся! – на него налетели, кажется, все, желая обнять.

– Ерунда, сынок, едем домой!

Синьора Джиневра вдруг засуетилась и попыталась развернуть сына, но наследник рода был упрям – он устоял на помост и вдруг страшно побледнел.

– Роза? – он прямо из седла взлетел на помост и перехватил кнут. – Роза!

Веревки упали к ногам женщины, и он развернул ее к себе, не замечая того, что с нее почти упало платье.

– Джанни, это правда ты? – она с трудом открыла набухшие глаза. – Так возмужал! – ее пальцы бессильно скользнули по его лицу. – Твой малыш, я вас люблю...

И потеряла сознание.

Растерявшийся молодой мужчина вдруг понял, что прижимает к себе не гибкую талию любовницы, а тугой живот довольно приличного размера. Сколько его не было? Полгода? Больше? Выходит, Роза беременна! Что же она делает у позорного столба?

– Мама? – сын купца соображал быстро.

– Джанни, эта бессовестная девка уверяла, что беременна от тебя! Ее наказали за ложь!

– Лекаря! – Джанлукко развернулся к своим людям, подошедшим к помосту, потом обратно к матери: – Роза – моя невеста! Я уехал, подарив ей кольцо! Она честная женщина! Она та, которую я люблю!

Лекарь из каравана быстро растолкал товарищей и попросил:

– Синьор, синьору лучше положить... на живот.

Джанни спустился с помоста и уложил Розу прямо на телегу с товаром. Потом огляделся и скомандовал:

– В гостиницу у ворот!

– Джанни, сынок! – мать торопливо бежала к нему. – Тебя ждут дома! Я прикажу...

– В гостиницу! – яростно крикнул молодой Джанброцци, и люди расступились, пропуская караван.

Увы, чудеса в этом мире случаются редко. К вечеру, несмотря на все усилия лекаря, Роза потеряла ребенка. Крошечный мальчик не издал ни одного звука, когда она с рычанием и слезами вытолкнула его из своего тела.

Джанни сидел рядом, держал ее за руку, и его ресницы отяжелели от слез. Он сам завернул неподвижное тельце в простыню и уложил в корзину. Сам сидел рядом с Розой, смазывал маслом ее раны и расчесывал волосы, уговаривал поесть и пел песни, которыми когда-то соблазнял ее. Ничего не помогало. Она уходила. Ускользала сквозь пальцы вместе с темно-алым потоком крови, которую лекарь никак не мог остановить. К утру лицо Розы превратилось в мертвенно-бледную восковую маску. Последняя улыбка застыла на губах. Сидящий рядом лекарь тихонько вздохнул и с усилием закрыл ей глаза.

– Синьор, ваши родные, они ждут в гостинной с полудня...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.